

Фухуа была любимицей как вдовствующей императрицы, так и императора. Она не могла допустить, чтобы их отношения испортились, так как это было бы невыгодно как для неё самой, так и для семьи Вэнь.

Юй Тао проводила Вэнь Вань обратно во дворец Вэйян, прежде чем отправиться к Фухуа.

Услышав, что Вэнь Вань приготовила угощения, Фухуа с улыбкой спросила:

— У императрицы лучшие кулинарные навыки. Она уже отправила угощения императору?

Юй Тао, услышав это, не смогла сдержаться и ответила:

— Ваше Высочество, конечно же, они были отправлены, но, к сожалению, вскоре после этого маркиз — усмиритель Севера прибыл во дворец.

— Маркиз — усмиритель Севера? — Фухуа задумалась. — Тот самый, который недавно спас моего двоюродного брата Линь Эня в императорском саду?

Юй Тао кивнула. В душе она уже давно возмущалась за Вэнь Вань, но та запретила ей много говорить. Однако Юй Тао не смогла сдержаться и, высказавшись перед Фухуа, почувствовала облегчение, а ум её прояснился.

Она поспешно добавила:

— Ваше Высочество, императрица только что велела мне не болтать лишнего. Пожалуйста, не упоминайте об этом перед ней, боюсь, что она рассердится.

Фухуа с улыбкой согласилась.

Она была человеком слова, и, прибыв во дворец Вэйян, ни словом не обмолвилась о болтовне Юй Тао, лишь хвалила вкус угощений и супа, приготовленных Вэнь Вань.

Фухуа всегда умела развеселить вдовствующую императрицу, и помимо её статуса, её умение говорить также играло важную роль.

Настроение Вэнь Вань, которое было несколько мрачным, под влиянием шуток Фухуа постепенно улучшилось, и она сама не смогла удержаться от смеха.

Они весело болтали и смеялись во дворце Вэйян, создавая атмосферу гармонии и радости.

В чертоге Цяньхуа Ци Цзюньму и Шэнь Нянь смотрели друг на друга, не произнося ни слова.

Шэнь Нянь прибыл во дворец в такое время, и Ци Цзюньму естественно предположил, что у него есть дело для доклада. Император сидел, ожидая, когда Шэнь Нянь заговорит, но тот, поклонившись, стоял молча.

Ци Цзюньму ждал около половины времени горения благовоний, но терпение его иссякло, и он произнес:

— Разве Шэнь Цин не собирался доложить о чём-то? Может быть, есть что-то, что трудно высказать?

Император считал себя достаточно предусмотрительным, и если подданный не говорил, он сам находил оправдание.

Шэнь Нянь не то чтобы не хотел говорить, он просто не знал, что сказать.

Самое главное, что до его прибытия император и императрица находились наедине, а с его появлением их время вместе прервалось.

Если он не сможет выдать хоть что-то вразумительное, не разгневается ли император настолько, что накажет его палками?

Шэнь Нянь много думал, и, видя ожидающее выражение лица императора, он с кислым лицом произнес:

— Ваше Величество, на самом деле у меня нет особых дел.

Его тон был настолько унылым, что Ци Цзюньму не выдержал и с улыбкой сказал:

— Что случилось с моим маркизом — усмирителем Севера? На поле боя он не боится врагов, а теперь выглядит, будто его обидели? Расскажи, если тебя действительно обидели, я за тебя заступлюсь.

Шэнь Нянь сначала чувствовал себя неловко, ведь он вышел из дома и в огромной столице не нашёл места, куда можно пойти. Но, услышав заботливые слова императора, он вдруг понял, что эти дела не так уж и позорны.

И тогда Шэнь Нянь рассказал о том, что произошло сегодня, опустив многие детали своих переживаний.

Ци Цзюньму слушал молча. Он мог понять чувства Шэнь Няня. В прошлой жизни он сам испытывал подобное по отношению к вдовствующей императрице.

Он понимал, что Шэнь Нянь нуждался не в утешении, а просто в возможности выговориться.

В прошлой жизни он был императором и не мог найти человека, с которым можно было бы поделиться своими мыслями. В этой жизни он уже не придавал значения вдовствующей императрице и не стремился к недостижимой заботе.

Теперь он мог выслушать откровения Шэнь Няня.

Когда Шэнь Нянь закончил, Ци Цзюньму спросил:

— Ты прошёл пешком от дома маркиза — усмирителя Севера до дворца?

Шэнь Нянь ахнул и кивнул в знак согласия.

Ци Цзюньму взглянул на его ноги и спросил:

— Разве не устал?

Шэнь Нянь, следуя этому вопросу, потянул ноги и не смог сдержаться:

— На самом деле, немного устал. Раньше я так хотел увидеть Ваше Величество, что забыл об усталости. Теперь, когда Вы напомнили, могу ли я попросить место, чтобы присесть?

— Конечно, можешь отдохнуть, — лениво ответил Ци Цзюньму. — Но в этом зале только ты и я. Неужели ты думаешь, что я буду приносить тебе стул?

— Нет, нет, — поспешно ответил Шэнь Нянь. — Как я могу осмелиться? У меня достаточно сил, я сам могу принести.

Шэнь Нянь, верный своим словам, принёс стул и сел, почувствовав огромное облегчение.

Он прекрасно понимал, что дело не в физической усталости, а в том, что его душа наконец успокоилась. Ци Цзюньму не был тем императором, который умел утешать, но в этот момент его слова и действия были настолько приятны, что все усталость и апатия внезапно исчезли.

Когда Ци Цзюньму использовал его, он делал это без остатка, но когда он был добр, это также было невыносимо приятно.

Пока Шэнь Нянь размышлял об этом, Ци Цзюньму небрежно произнес:

— Раз Шэнь Цин не ехал верхом и не пользовался паланкином, а сегодня уже поздно, и завтра тебе рано вставать на службу, почему бы тебе не остаться здесь на ночь?

Сердце Шэнь Няня на мгновение сжалось. Он поднял взгляд на Ци Цзюньму и сказал:

— Благодарю Ваше Величество за заботу, но... это не соответствует правилам.

Ци Цзюньму бросил на него косой взгляд:

— Во дворце есть помещения для гостей, это никому не помешает. Выбери любое и оставайся.

Шэнь Нянь хотел отказаться, но Ци Цзюньму уже устал от его упрямства и позвал Жуань Цзицина, чтобы тот всё устроил.

Жуань Цзицин не понимал, что за спектакль разыгрывают император и маркиз — усмиритель Севера. Во дворце император был главным.

Если император говорил, что человек должен остаться, даже если не было места, они должны были найти его. Ключевым моментом было то, что в Великой Ци существовал прецедент, когда братья и приближённые чиновники оставались на ночь.

Но даже в этом случае император не мог смотреть на вещи так поверхностно. На улице ещё было светло, и маркиз — усмиритель Севера мог бы спокойно вернуться домой. Почему же император сказал, что уже поздно? Видимо, маркиз — усмиритель Севера был слишком обласкан, даже гранича с нарушением норм.

Эти мысли Жуань Цзицин осмеливался держать только в уме, не произнося их вслух.

Что думали другие, не имело значения. Важно было то, что Шэнь Нянь понимал: Ци Цзюньму оставил его здесь, чтобы он временно не возвращался в семью Шэнь.

В тот вечер Шэнь Нянь снова получил возможность насладиться императорской трапезой, и на этот раз император не ел много.

Место, где Шэнь Нянь провёл ночь, было выбрано Жуань Цзицином и находилось за стеной от чертога Ци Цзюньму. По словам Жуань Цзицина, это было удобно, так как в случае чего Шэнь Нянь мог бы быстро прибыть к императору.

Император счёл, что Жуань Цзицин проявил заботу, и согласился. Шэнь Нянь, естественно, не возражал.

В эту ночь Шэнь Нянь впервые не смог уснуть.

Возможно, он слишком много спал днём, а возможно, в этом подавляющем и величественном дворце обычному человеку просто невозможно было уснуть.

Шэнь Нянь лежал в постели, думая о многом: о границе, о столице.

В его голове мелькали то лицо Шэнь И, то лицо Ци Цзюньму.

Мысли были беспорядочными и многочисленными, и в итоге Шэнь Нянь не спал всю ночь.

Когда начало светать, Шэнь Нянь уже привёл себя в порядок, и к своему удивлению, он чувствовал себя довольно бодро.

Когда Ци Цзюньму отправился на утренний приём, Шэнь Нянь уже сменился с другими.

Дворец был местом, где новости распространялись быстрее всего, и появление Шэнь Няня вызвало множество различных реакций. Чиновник, оставшийся на ночь во дворце, был знаком огромной императорской милости, символом доверия императора и гарантией бесконечного богатства. Никто не мог остаться равнодушным.

То, что Шэнь Нянь был в фаворе, знали все. Но каждый раз, когда люди думали, что это предел, он умудрялся удивлять их чем-то новым. Все были чиновниками, но удача, казалось, следовала только за ним, что вызывало зависть.

Ци Цзюньму, оставив Шэнь Няня на ночь, не имел никаких скрытых мотивов. Он просто почувствовал, что Шэнь Нянь и он сам в прошлой жизни были похожи, и дал ему место для отдыха. Также он хотел дать понять семье Шэнь, что если они не смогут удержать Шэнь Няня, то найдётся место, где его примут.

Однако, не планируя ничего, он в итоге стал прямым доказательством благосклонности императора к Шэнь Няню.

Сам Шэнь Нянь не обращал внимания на эти взгляды. Он, как обычно, занимался своими обязанностями: патрулировал, ругал подчинённых, ничего не упуская. Ван Цзюнь же был явно недоволен.

Шэнь Нянь, видя, что тот хмурится и бормочет себе под нос, почувствовал, как у него начинает болеть голова, и спросил:

— О чём ты там бормочешь?

Ван Цзюнь, увидев, что Шэнь Нянь наконец обратил на него внимание, решил, что его усилия не прошли даром, и поспешно ответил:

— Господин, я считаю, что некоторые люди зашли слишком далеко. Евнух Жуань передал сообщение, что князь Цзинь и князь Пин недавно отправились из Цинчжоу в столицу и скоро придут.

Рука Шэнь Няня замерла. Он сказал:

— Князь Цзинь и князь Пин совершили великие дела в Цинчжоу, это хорошо, их возвращение в столицу вполне естественно.

<http://bllate.org/book/16626/1522291>